

Сун И судорожно сглотнул и наконец выдавил:

— Заложник... исчез...

Сун Ань едва не задохнулся от ужаса. Самое страшное предположение оказалось правдой.

Гэ Чуньхуэй нахмурил брови и спросил:

— Как это произошло?

Под пронизительным взглядом Гэ Чуньхуэя Сун И, дрожа, рассказал всё.

В тот миг Гэ Чуньхуэй едва не убил этого неудачника. Теперь он понял, почему наёмный убийца смог проникнуть незамеченным — оказывается, это Сун И сам привёл его.

Гуаньсинь как раз вернулась с разведки на заднем склоне и сказала Гэ Чуньхуэю:

— На склоне горы есть свежие следы, наёмный убийца, вероятно, сбежал через заднюю гору. Когда он следил за нами, я не смогла вовремя его заметить. Видимо, его навыки боевых искусств невероятно высоки. Но, судя по следам на вершине обрыва, он ушёл не один, с ним был кто-то, совершенно не владеющий боевыми искусствами.

Гэ Чуньхуэй был слегка полноват, с бледным лицом, и в спокойном состоянии он выглядел как тихий учёный. Но сейчас его взгляд, направленный на братьев Сун, был полон жестокости, совершенно не соответствуя его внешности.

Спустя какое-то время он глухо произнес:

— Немедленно составьте портреты для розыска. Скажите, что это опасный преступник.

Через полчаса художник принёс два готовых портрета Гэ Чуньхуэю.

Гэ Чуньхуэй, поднося чашку чая ко рту одной рукой, другой принял листок. В тот миг, когда его взгляд упал на бумагу, он сначала замер, а потом рука его дрогнула — чашка выскользнула из пальцев, и чай вместе с чашкой опрокинулся на него.

Чашка упала на пол и с звоном разбилась вдребезги.

Братья Сун и Гуаньсинь, видя, как лицо Гэ Чуньхуэя постепенно мертвенно бледнеет, поняли, что случилось нечто ужасное.

Гэ Чуньхуэй произнес голосом, ещё более мрачным, чем его лицо:

— Всё кончено, всё кончено... Как это мог быть он...

Гуаньсинь подошла ближе и, глядя на портрет в дрожащих руках Гэ Чуньхуэя, спросила:

— Господин Гэ, вы знаете этого человека?

Гэ Чуньхуэй указал на первый портрет:

— Это князь И!

Гуаньсинь тоже была поражена и с недоверием спросила:

— Вы уверены? Не ошиблись?

Гэ Чуньхуэй поднял голову, его взгляд был растерянным, затем он подозвал Сун И и, указывая на иероглифы «А-Чэн» рядом с портретом, спросил:

— Этот человек действительно выглядит так?

Сун И робко кивнул:

— Да, господин, Сяо У и другие видели его, портрет очень похож... И, знаете, если подумать, этот парень, хоть и глуповат, но довольно красив...

Сун Ань вовремя остановил Сун И взглядом, чтобы тот не наговорил лишнего.

Гэ Чуньхуэй кивнул, растерянно глядя перед собой:

— Это он, точно! Не ожидал, что сам князь И рискнёт действовать в одиночку... Хорошо, отлично...

Внезапно его растерянность сменилась жестокостью. Если это был Му Цинфэн, то розыск по портрету только даст повод для сплетен. Он повернулся к Гуаньсинь:

— Девушка, как приказал господин, убить!

Гуаньсинь вышла из комнаты, и вскоре в предрассветном небе вспыхнул фейерверк, рассыпаясь золотым дождём, ослепительно красивым.

К сумеркам Гу Шаобай наконец пришёл в себя. Он открыл глаза, и воздух был наполнен густым запахом трав, словно в больнице, но обстановка в комнате, хоть и простая, явно не была больничной.

Он перевернулся, пытаясь сесть, но почувствовал слабость в руках и ногах, голова закружилась, и пришлось отказаться от этой затеи.

Занавеска приподнялась, и Му Цинфэн вошёл с чашкой тёмного лекарства.

Увидев, что Гу Шаобай проснулся, он с радостью сказал:

— Ты наконец-то проснулся... Давай, выпей лекарство...

Му Цинфэн одной рукой держал чашку, другой подхватил его под плечи и посадил, прислонив к своему плечу.

Гу Шаобай, несмотря на полное нежелание, был вынужден в таком положении, глотая из его рук, выпить всё до дна. После этого его тошнило, и он чуть не вырвал всё обратно.

Му Цинфэн, боясь, что его стошнит, быстро уложил его обратно и, глядя на его влажные от кашля глаза, улыбнулся:

— Глядя на это хрупкое тельце, я думал, ты будешь капризным, но не ожидал... — он посмотрел на пустую чашку. — Ты даже не капризничал!

Гу Шаобай с трудом подавил убийственный взгляд. Попробуй-ка сам умереть, тогда посмотрим, какой ты капризный!

Му Цинфэн потрогал его всё ещё горячий лоб:

— Ещё очень горячо, но это нормально, ты только второй раз выпил лекарство, не может пройти так быстро...

— Второй раз? — хрипло спросил Гу Шаобай.

Му Цинфэн с ухмылкой посмотрел на него:

— Да, когда ты был без сознания, тебя было сложно напоить, приходилось по чуть-чуть...

Глаза Гу Шаобая становились всё шире, а лицо всё краснее:

— Ты, ты...

Он долго искал подходящие слова, но в итоге только сквозь зубы выдавил:

— Подлец...

Му Цинфэн вдруг внезапно серьёзно спросил:

— А! Я его покормил, и сразу стал подлецем? Я же выпросил у доктора Ли ложечку с ноготь, чтобы по чуть-чуть давать, и до сих пор рука ноет...

Он вдруг хлопнул себя по лбу, словно что-то понял:

— Неужели ты думал, что я кормил тебя изо рта?

Он прикрыл рот рукой, сделав parfaitement виноватое лицо:

— Как ты мог так подумать? Я же приличный человек...

Гу Шаобай смотрел на него, затем вдруг начал кашлять — он был по-настоящему вне себя от ярости из-за этого подльца!

Му Цинфэн быстро подхватил его, похлопал по спине и успокоил:

— Это же шутка, зачем так нервничать...

Вскоре наступило время ужина, и Му Цинфэн принёс из кухни миску рисовой каши, сваренной на курином бульоне. Он вошёл в комнату, поднял с кровати полусонного и бесчувственного «молодого господина Цзя», подложил ему под спину мягкую подушку и начал кормить.

После двух ложек каши Гу Шаобай окончательно проснулся и спокойно принимал еду, не проявляя ни капли смущения, словно это было совершенно естественно, что Му Цинфэн за ним ухаживает.

Му Цинфэн перемешал курицу в каше и, помолчав, вдруг посмотрел на Гу Шаобая и многозначительно сказал:

— Ты так молча и пристально смотришь на меня, я решу, что ты влюбился в меня!

Гу Шаобай замер, внезапно осознав, что действительно долго смотрел на него, и за это время его мысли были пусты, а в глазах, вероятно, читались все его эмоции.

Он спокойно отвёл взгляд, уставившись в пылинку в воздухе, всё ещё ошеломлённый. Он был раздражён: в присутствии Му Цинфэна вся его рациональность испарялась!

— Угадай, кто я? — сказал Му Цинфэн, проводя мизинцем по уголку его рта, стирая крошку каши.

Этот жест был настолько естественным, что Гу Шаобай, не задумываясь, принял его, не испытывая ни малейшего сопротивления.

Ответ Гу Шаобая, прежде чем быть произнесён, обошёл в его голове восемнадцать кругов:

— Ты... наверное, следовательно...

Сказать ложь было так сложно, что он чуть не прикусил язык.

— В самом деле? — он хихикнул. — Практически угадал!

Затем он посмотрел на выражение лица Гу Шаобая, который явно не собирался дальше расспрашивать.

Му Цинфэн всё понимал и думал про себя: «Малыш, ты и притворяйся, твоя маска хоть и красива, но игра слабовата!»

Эта миска каши, которую один кормил с умыслом, а другой ел с мыслями, создала в тишине ночи атмосферу, полную невысказанного напряжения.

Гу Шаобай боялся смотреть в глаза Му Цинфэну, опасаясь, что тот разгадает его, поэтому даже вкусная каша казалась ему безвкусной.

А Му Цинфэн всё думал о чём-то своём: зачем он это делает?

Долго размышляя, он так и не нашёл ответа.

— Я хочу искупаться, — окликнул Гу Шаобай Му Цинфэна, который уже собирался выходить с пустой миской. — Чувствую, что уже покрываюсь плесенью...

Му Цинфэн вспомнил, что Ли Чжишань говорил, будто ванна помогает снизить температуру, и приготовил кадушку, полотенца и мыло.

Набрав воду, он с ухмылкой спросил:

— Помочь?

— Не нужно, выйди... — прошептал Гу Шаобай, и слова едва вырвались из его губ.

Му Цинфэн, очевидно, не собирался упускать такую возможность подразнить. Он наклонился ближе, почти касаясь его щеки, и смотрел в большие чистые глаза Гу Шаобая, видя в их светлых зрачках своё улыбающееся отражение.